

Ани Вебр

Лед и пламя

«Автор»
2026

Вебр А.

Лед и пламя / А. Вебр — «Автор», 2026

Парень, посветивший свою жизнь боксу, получает травму головы. Последствием, которой стала полная потеря эмоций. Встретив девушку, живущую лишь чувствами и эмоциями, попал в водоворот проблем. Сможет ли девушка разбудить в нем эмоции, пока они вместе преодолевают проблемы, возникшие на их пути.

© Вебр А., 2026
© Автор, 2026

Ани Вебр
Лед и пламя

Если мир во круг тебя,
Серый и безжизненный.
Не надо плыть по течению,
Раскрашивай его сам.
Иначе жизнь пройдет мимо!

ГЛАВА 1

Ярослав.

Вчера Ярослав отметил свой десятый день рождения. Торт с десятью свечами, дрожащими от каждого его восторженного вздоха, казался ему не просто десертом, а символом чего-то большого — будто с каждой потушенной свечой он становился на шаг ближе к взрослой, настоящей жизни. А сегодня его отец, Александр, привёл его в свой спортивный клуб «Алмаз».

Здание клуба стояло на окраине города — массивное, из серого кирпича, с узкими окнами, похожими на бойницы старой крепости. Над входом висела вывеска: буквы были отлиты из металла, тяжёлые и угловатые, словно сами по себе обещали силу и стойкость. Саша и раньше приводил сына в клуб, но этот раз был особенный. Сегодня он записал Ярослава в детскую секцию. Отец решил пустить сына по своим стопам.

Александр был профессиональным боксёром — высоким, немного неказистым мужчиной, чья фигура казалась чуть перекошенной от долгих лет тренировок и боёв. В его плечах чувствовалась тяжесть силы, а в движениях — привычная собранность человека, который каждую секунду готов к удару. Но при всей этой внешней суровости в нём жила удивительно добрая душа. На ринге он был смертоносной машиной — быстрой, расчётливой, безжалостной к сопернику. А дома превращался в плюшевого мишку: садился на пол, чтобы быть на одном уровне с сыном, смеялся над его детскими шутками и терпеливо завязывал шнурки на его кроссовках, когда Ярик ещё не справлялся сам.

Жена Мария полюбила его именно за этот контраст — за то, как в одном человеке уживались стальная воля и нежная забота. Длинные белокурые волосы, точёная фигура, годы на подиумах и в объективах камер — когда-то она была известной фотомоделью, её снимки украшали глянцевые журналы, а теперь она променяла вспышки фотокамер на тихий уют кухни, на запах свежей выпечки и на эти минуты, когда вся семья собиралась за одним столом. Она создавала дом — тёплый, надёжный, пахнущий ванилью и спокойствием.

Но со временем этот уют стал трещать по швам. Частые нервные потрясения подтачивали её изнутри, как вода точит камень. Каждый вечер, когда Александр возвращался с тренировки или боя, Мария замирала у двери, прислушиваясь к шагам в коридоре, и молилась про себя, чтобы это были его шаги, чтобы он вернулся хотя бы живым. Почти каждый день ей приходилось обрабатывать и залечивать его раны: ссадины, порезы, синяки, которые расцветали на коже, как уродливые цветы. За годы, проведённые в профессиональном боксе, на Александре не осталось ни одного живого места и ни одной целой кости — каждый его шрам был историей, которую он не любил рассказывать, а она не хотела слушать.

А когда он решил пустить сына по своим стопам, терпение Маши окончательно лопнуло. В тот вечер дом будто раскололся надвое: её крики разбивались о его спокойное, упрямое молчание, а тишина между ними звенела так громко, что даже стены, казалось, вздрагивали. Она

закатила настоящий скандал, кричала, что не позволит превратить их сына в живую мишень, что устала бояться, устала ждать и надеяться. В какой-то момент она даже пригрозила подать на развод — и в этих словах не было бравады, только изнеможение человека, который больше не может нести этот груз в одиночку.

Александру удалось её успокоить. Он не спорил, не оправдывался — просто сел рядом, взял её руки в свои, такие большие и грубые, и тихо, без пафоса, объяснил, как ему важно вырастить сына настоящим мужчиной. Не жёстким, не бесчувственным, а тем, кто умеет держать удар — и физический, и жизненный. И спорт, по его мнению, мог в этом поспособствовать. Тем более Ярослав во всём подражал отцу: копировал его походку, старался говорить так же сдержанно, а вечерами, пока Саша обрабатывал свои раны, мальчик внимательно следил за каждым движением, запоминая, как правильно наматывать бинт, как держать кулак, как дышать, когда боль становится невыносимой. Он уже давно выпрашивал подарить ему боксёрские перчатки и записать в секцию, и его просьбы звучали не как капризы, а как настоящие, серьёзные намерения маленького человека, который хочет быть достойным своего отца.

И вот на десятый день рождения Александр сделал сыну поистине долгожданный подарок. Ярик был на седьмом небе от счастья — его глаза горели таким ярким, чистым огнём, что, казалось, могли осветить весь зал. Он стоял посреди клуба, вдыхая запах пота, кожи и старого дерева — запах, который для него теперь был запахом мечты. Мальчишка был настроен решительно: он хотел быть достоин своего отца, хотел научиться тому, что умел Саша, и доказать себе и всем вокруг, что он тоже может быть сильным.

В этот момент, глядя на сына, Александр вдруг увидел не просто мальчика, а своё отражение из прошлого — того самого юного парня, который когда-то впервые переступил порог зала с горящими глазами и дрожащими руками. И в груди у него шевельнулось что-то тёплое и горькое одновременно: гордость, смешанная с тревогой, с пониманием того, какую дорогу он открывает перед сыном.

А где-то далеко, в их уютном доме, Мария стояла у окна, глядя на угасающий закат. Её пальцы нервно теребили край занавески, а в глазах стояли слёзы — не от обиды, а от страха, который не отпускал её ни на минуту. Она знала, что не сможет запретить мужу воспитывать сына так, как он считает нужным. Но в глубине души надеялась, что этот спорт научит Ярослава не только держать удар, но и беречь себя. И, может быть, однажды, когда он вырастет, он поймёт, почему она так отчаянно хотела уберечь его от этой дороги.

***

Восемь лет Ярослав тренировался, не жалея сил, будто хотел выковать из собственной воли и плоти что-то несокрушимое. Все свободное время он проводил в спортивном клубе «Алмаз»: дни сливались в один бесконечный ритм — удар, защита, шаг вперёд, шаг назад, снова удар. Зал стал для него вторым домом, а запах кожи боксёрских перчаток, горячего воздуха и пота — роднее любых ароматов детства. Здесь время текло иначе: минуты растягивались в часы, когда нужно было оттачивать одно и то же движение, а целые недели пролетали незаметно в череде тренировок, спаррингов и сборов.

Ярик достиг больших успехов. Он выступал в юношеских боях, и каждый выход на ринг был для него не просто состязанием, а испытанием на прочность — не только тела, но и характера. Его имя всё чаще звучало в разговорах тренеров и болельщиков, а на стене клуба рядом с фотографиями чемпионов появлялись и его снимки: напряжённое лицо, сжатые кулаки, взгляд, устремлённый вперёд, будто он уже видел тот миг, когда прозвучит гонг и всё решится. Он получил несколько медалей — золотых, серебряных, бронзовых, — и каждая из них была не просто куском металла, а отпечатком бессонных ночей, сбитых костяшек и упрямого желания стать лучше. У Ярослава было больше побед, чем поражений, но именно поражения он хранил в памяти особенно бережно: они жгли, как свежие ссадины, и заставляли его снова

и снова прокручивать в голове каждый момент боя, разбирать свои промахи, словно старые письма, в которых скрыты важные подсказки. После каждого проведённого боя он садился в углу зала, закрывал глаза и мысленно проходил по всем своим действиям, выискивая ту самую ошибку, ту долю секунды, когда всё пошло не так. И старался больше её не повторять.

Мария смирилась с выбором сына, но не без условий. В один из вечеров, когда Ярик вернулся домой с очередной медалью, она села напротив него, взяла его руки — грубые, с мозолями и мелкими шрамами — и тихо, но твёрдо сказала, что согласна с его путём, но только если он поступит в институт и получит нормальную профессию. «Чтоб было куда уйти, когда закончится карьера боксёра», — произнесла она, и в её голосе не было упрёка, только тихая, упрямая забота матери, которая хочет защитить своего ребёнка даже от того будущего, которое он сам себе выбрал. Ярослав не стал спорить с матерью. Он слишком её любил, чтобы причинять лишнюю боль, и слишком уважал, чтобы отмахнуться от её слов. Сразу после школы он поступил в институт. Мария не настаивала на какой-то определённой специализации, и Ярослав сделал выбор сам. Он выбрал заочное отделение и специализацию по юриспруденции — возможно, потому, что в законах и правилах ему виделся тот же строгий порядок, что и в боксёрском поединке: чёткие границы, понятные условия и необходимость уметь защищать себя и других, опираясь не только на силу, но и на знание.

Ярик во всём был похож на отца: в его доброте и честности чувствовалась та же спокойная, надёжная сила, которая не нуждалась в доказательствах. Он мог пройти мимо несправедливости и не остаться равнодушным, мог вступиться за слабого и не ждать за это благодарности. Ростом он пошёл в отца — высокий, статный, с широкими плечами, которые будто были созданы для того, чтобы выдерживать тяжесть чужих ожиданий. Но внешне он походил на мать: красивое, симметричное лицо с тонкими, выразительными чертами досталось ему от Марии. В нём удивительным образом сочетались отцовская мощь и материнская утончённость. Спортивное телосложение, смуглая кожа, тёмно-каштановые волосы — всё это могло бы помочь ему сделать карьеру модели. Глядя на то, в какого красавца вырос сын, Мария ещё больше переживала, что Ярик портит себя и свою жизнь. Ей казалось, что каждый синяк, каждый шрам — это не просто отметина на теле, а трещина в его судьбе, в той прекрасной истории, которую она когда-то представляла для него. Она видела, как его лицо, созданное для улыбок и света, всё чаще становится напряжённым, как в глазах появляется холодная сосредоточенность, свойственная людям, привыкшим к боли.

Только он был непреклонен. Для Ярослава бокс был не просто спортом — это была вся его жизнь, её ритм и смысл. В каждом ударе он слышал голос отца, в каждом движении видел отражение собственной воли. Он знал, что впереди могут быть падения, травмы и моменты, когда захочется всё бросить, но в глубине души верил, что именно эта дорога — его настоящая. И пока он мог стоять на ринге, пока его сердце билось в такт ударам, он чувствовал себя живым — по-настоящему, до самого края.

***

По достижении совершеннолетия Ярослав стал участвовать во взрослых турнирах — в лёгком весе. Его имя всё чаще мелькало в списках участников, а победы и медали копились, словно вехи на долгом пути. Каждый трофей был не просто знаком признания, а отпечатком бессонных ночей, боли в мышцах и той упрямой решимости, которую он унаследовал от отца.

А вот у Александра карьера подходила к концу. Этот год был заключительным. Он ещё выходил на ринг, но гораздо реже, и каждый его бой теперь воспринимался не как очередная схватка, а как прощальное слово, сказанное на языке ударов и уклонений. Мария жила в предвкушении благополучно завершающейся карьеры мужа. В её душе смешивались облегчение и тихая радость: наконец-то этот бесконечный страх, сжимавший сердце каждый раз, когда Саша уходил на бой, начнёт отпускать. Год подходил к концу, и Александру оставался всего один бой

до ухода на так называемую пенсию. Как говорила Маша, в сорок лет жизнь только начинается — и в этих словах звучала надежда на то, что впереди их ждёт спокойное, счастливое время, когда по утрам не нужно будет вздрагивать от скрипа двери и гадать, вернётся ли он целым. Александр соглашался с женой и старался бодриться, хотя на душе скребли кошки. Трудно отказаться от дела всей своей жизни, от той стихии, где ты чувствуешь себя живым и нужным, где каждый удар — это слово, а каждый раунд — целая история.

Проходил предпоследний турнир Александра. В профессиональном боксе принята система так называемых рейтингов. Учитываются все бои, которые провёл спортсмен, его победы и поражения, отмечается, сколько побед было одержано нокаутом, по очкам и так далее. Соответствующие результаты вносятся в сводный рейтинг-лист. Боксёр, занимающий в нём первое место, объявляется претендентом на звание чемпиона мира и оспаривает этот титул в бою с действующим чемпионом. (Сам чемпион в рейтинговых боях не участвует, но может проводить «товарищеские» встречи, которые не идут в рейтинговый зачёт, а также матчи с чемпионами в той же весовой категории по версиям других боксёрских организаций.) В случае поражения действующего чемпиона нередко назначается матч-реванш. Обычно чемпионский бой проходит по формуле двенадцать раундов по три минуты с минутными перерывами между раундами.

Александр был действующим чемпионом. Как и полагается, он должен был участвовать в бою с претендентом на чемпионство. После проведения рейтинговых боёв выявился претендент: мужчина лет на пятнадцать моложе Саши, в прекрасной спортивной и физической форме — его тело было словно выточено из стали, а движения отличались той хищной лёгкостью, которая приходит с молодостью и отсутствием груза прожитых лет. Исход боя многими считался предрешённым: молодость против опыта, свежая сила против закалённой воли. Но Александр не хотел завершить свою карьеру проигранным боем. Он был готов сделать всё, чтобы уйти победителем, чтобы последнее слово осталось за ним, чтобы в памяти людей он остался не тем, кто сломался под напором времени, а тем, кто до конца оставался собой.

Ринг встретил его привычным гулом толпы, вспышками камер и тем особенным напряжением, которое витает в воздухе перед большим боем, словно электричество перед грозой. Первые раунды слились в калейдоскоп ударов, уклонений, коротких передышек в углу, где секунданты кричали что-то, протирали лицо полотенцем и вкладывали в него новые силы. Отстояв семь раундов, по очкам они шли почти на равных — счёт был настолько близким, что любой удар мог склонить чашу весов в ту или иную сторону. Зал замер, будто затаил дыхание, и в этой тишине слышался только тяжёлый ритм ударов сердца и скрип перчаток.

В восьмом раунде Александр почувствовал, что момент настал. Он хотел сделать выпад вперёд и нанести мощнейший удар — тот самый, который должен был стать финальным аккордом его карьеры, красивым, сокрушительным и безупречным. Только соперник оказался проворнее: он успел увернуться и нанести удар из-под низу — резкий, хлесткий, выверенный до миллиметра. Удар должен был прийти в челюсть, и это был бы нокаут, мгновенное поражение, перечёркивающее всё. Но Саша попытался увернуться, и удар пришёлся в нос.

Время будто замедлилось. Александр почувствовал резкий, обжигающий всплеск боли — острый, как лезвие, пронзившее лицо. Кровь хлынула горячей волной, заливая глаза, и на долю секунды мир перед ним стал красным, густым, непроницаемым. Если бы Александр получил в челюсть, это был бы нокаут — болезненный, унизительный, но всё же не смертельный. А так мощнейший удар из-под низу в нос привёл к перелому носовой кости. Кость ушла вверх, проткнув мозг, и привела к мгновенной смерти.

Тишина обрушилась на зал внезапно, словно кто-то резко выключил звук. Крики болельщиков, гул трибун, даже дыхание — всё исчезло, растворилось в этом мгновении, когда реальность раскололась надвое: до и после. Рефери бросился к Александру, секунданты выскочили

на ринг, врачи бежали с носилками, но все эти движения были уже бессмысленными — они опоздали на одну секунду, на одно мгновение, которое невозможно вернуть.

Ярослав, стоявший у ринга, сначала не понял, что произошло. Он видел, как отец пошатнулся, как его руки безвольно опустились, как он медленно, неестественно медленно начал оседать на настил. И только когда Александр рухнул на пол, мир вокруг Ярика будто треснул по швам. Он рванулся вперёд, но его удержали, не дали выскочить на ринг — правила, безопасность, формальности казались сейчас жестокой насмешкой над тем, что происходило на самом деле.

Мария, сидевшая в зале, почувствовала неладное ещё до того, как всё стало ясно. Её сердце сжалось в тугой узел, а потом вдруг замерло, будто решило не биться, чтобы не чувствовать этой нарастающей, леденящей пустоты. Когда она поняла, что случилось, её крик слился с гулом зала, но прозвучал иначе — в нём не было ярости или возмущения, только бесконечная, разрывающая душу боль матери и жены, потерявшей свою опору.

Позже, когда всё закончилось, когда врачи констатировали смерть и Александра унесли с ринга, Ярослав остался стоять у канатов. Его руки дрожали, а в груди разрасталась пустота, которую невозможно было заполнить ни слезами, ни словами. Он смотрел на место, где только что стоял его отец, и пытался удержать в памяти каждую деталь: его голос, его улыбку, его наставления, его упрямое желание уйти победителем. И теперь эта победа казалась горькой, страшной и ненужной.

Для Марии этот день стал границей, за которой прежняя жизнь осталась позади. Её мечты о спокойном будущем рассыпались в прах, а слова «в сорок лет жизнь только начинается» теперь звучали как жестокая ирония судьбы. Она сидела в раздевалке, держа в руках перчатки Александра, и чувствовала, как сквозь пальцы утекает время, которое они так и не успели прожить вместе.

А в городе наступала ночь. Улицы постепенно затихали, огни гасли один за другим, и только где-то вдалеке ещё слышался отголосок того рокового удара, который перечеркнул сразу несколько судеб и навсегда изменил жизнь тех, кто любил Александра и гордился им.

***

Мария тяжело переносила смерть мужа. Вместе с ним умерла и часть её души — будто из мира вынули какой-то важный цвет, и всё вокруг стало серым, плоским, лишённым глубины. За сутки она выплакала море слёз — они стекали по щекам, падали на скомканные платки, пропитывали ткань горечью, которую невозможно было выстирать. Состояние её становилось всё хуже: она металась между оцепенением и отчаянием, и в какой-то момент её взгляд стал таким пустым, будто она смотрела сквозь стены, не видя ничего из того, что было перед ней. Ярослав несколько раз вызывал скорую помощь. Врачи приезжали, тихо переговаривались, измеряли давление, качали головами, а потом, видя, как она дрожит и не может вымолвить ни слова, накачивали её успокоительным. Лекарство действовало как тяжёлый туман: оно не забирало боль, а просто приглушало её, делая мир размытым, словно сквозь запотевшее стекло.

На похоронах Мария напоминала тень, нежели человека: тонкая, почти невесомая фигура в чёрном платье, с лицом, застывшим в какой-то нечеловеческой неподвижности. Она не плакала, не кричала, не рвала на себе волосы — она просто шла, будто ноги двигались сами по себе, без участия её воли. Вернувшись с кладбища, она села на диван, на то самое место, где раньше всегда сидел Саша — его любимое, чуть продавленное от долгих вечеров с чашкой чая и разговорами ни о чём, которые теперь казались бесценными. Мария уставилась в стену, и в этом взгляде не было ни злости, ни скорби — только бескрайняя пустота, в которой тонули все чувства.

Через несколько дней Ярик стал по-настоящему беспокоиться о матери. Она не спала, почти не ела, даже плакать перестала. Просто сидела на одном месте, как статуя, вырезанная

из холодного камня, и только изредка вздрагивала, будто от внезапного сквозняка. В доме повисла тишина, тяжёлая и вязкая, как густой сироп, в котором тонут все звуки. Даже часы на стене тикали как будто тише, боясь нарушить это хрупкое, болезненное равновесие.

Только спустя полгода Мария начала приходить в себя. Но это возвращение к жизни было медленным, мучительным, словно она заново училась дышать, чувствовать, замечать детали. Постепенно, по крупицам, к ней стало возвращаться осознание того, что произошло на самом деле. Саша умер на ринге — эта мысль больше не пряталась в тумане горя, а встала перед ней во всей своей жестокой ясности, как острый осколок, который нельзя обойти. И по мере того как приходило это понимание, в ней разгорался гнев — не на кого-то конкретного, а на саму судьбу, на несправедливость, на тот мир, который забрал у неё двадцать лет счастья. И этот гнев всё чаще обрушивался на сына.

— Я категорически не хочу, чтоб ты занимался боксом! — срывалась она, и её голос, когда-то мягкий и певучий, теперь звенел, как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

— Мам, со мной такого не случится! Со мной всё будет хорошо! — пытался успокоить её Ярик, и в его словах звучала не бравада, а искреннее желание уберечь мать от новой боли.

— Я не желаю слышать больше о боксе! — кричала Мария, и в её глазах вспыхивали слёзы, горячие и злые. — Этот чёртов бокс забрал у меня мужа! Забрал двадцать лет жизни! Я не хочу потерять ещё и тебя! — она начинала плакать, и эти слёзы были уже не безмолвными, а громкими, рвущимися наружу, как крик, который копился внутри месяцами.

Ярослав обнимал мать, прижимал её голову к своему плечу, поглаживал по волосам со всей той нежностью, на которую был способен. Он чувствовал, как дрожит её тело, как в каждом вдохе слышится боль, и сердце его сжималось от бессилия что-либо изменить.

— Мамочка, успокойся, прошу тебя. Я люблю тебя, но не брошу бокс. Это моя жизнь! Я сам буду решать, как мне жить, — говорил он, и в его голосе не было ни вызова, ни упрямства — только твёрдость человека, который знает, чего хочет, и при этом всем сердцем жалеет того, кто страдает рядом.

Такие разговоры проходили каждый день. Иногда они начинались с тихого спора, иногда — с крика, который эхом отдавался в пустых комнатах, а заканчивались всегда одинаково: Мария, обессилев, опускала голову ему на грудь, а Ярослав продолжал гладить её по спине, шептать что-то успокаивающее, обещать, что всё будет хорошо, даже если сам не до конца верил в эти слова. Он был терпелив с матерью, старался не ранить её лишний раз, не напоминать о том, что его путь лежит там, где она больше всего боялась его видеть. Но успокоить её до конца у него не получалось: страх Марии был слишком глубоким, слишком древним, он жил в ней, как тень, которая следует за человеком повсюду и не исчезает даже при ярком свете.

А по ночам, когда дом наконец затихал, Ярослав выходил на балкон и смотрел на город, раскинувшийся внизу огнями, похожими на далёкие звёзды. Он думал об отце, о том, как Саша учил его держать удар, не сдаваться, идти вперёд, даже когда кажется, что сил больше нет. И в эти минуты он чувствовал, как внутри него сплетаются две силы: любовь к матери, которая хотела уберечь его любой ценой, и верность тому пути, который он выбрал вместе с отцом. И он знал, что этот конфликт не исчезнет сам собой — он будет жить в их семье, как шрам, который никогда не заживёт до конца, но который всё равно нужно научиться носить.

***

Спустя ещё несколько лет после трагедии Ярослав закончил институт. Диплом юриста лёг в его руки как тихий итог долгих вечеров, когда он, едва успев перевести дух после тренировки, садился за учебники, и буквы плясали перед глазами, размываясь от усталости. Но он упрямо гнал сон прочь, потому что помнил условие матери и уважал её страх. В боксе за это

время были в основном одни победы — они складывались в немую, но прочную броню, защищавшую его от сомнений. Мария пыталась смириться с выбором сына: её сердце по-прежнему сжималось при каждом упоминании ринга, но она научилась прятать этот страх за сдержанной улыбкой и тихим: «Будь осторожен».

Начался турнир. Для Ярика это был не просто очередной выход на ринг — это была точка, к которой он шёл годами, стирая ладони в кровь о канаты, сбивая костяшки и снова и снова поднимаясь, чтобы попробовать ещё раз. Он много трудился перед турниром: многочасовые тренировки каждый день отнимали почти всё время, выжимая из него силы до последней капли. Дни сливались в один бесконечный ритм: удар, защита, шаг, снова удар. Зал «Алмаза» стал его храмом и кузницей одновременно — здесь он закалял не только тело, но и волю. Это был его третий турнир, и он хотел стать победителем. Два предыдущих года Ярослав занимал вторые места, и каждый раз, стоя на пьедестале с серебряной медалью, он чувствовал, как внутри что-то сжимается от горечи: он был так близок, но всё же не дотянулся до вершины. В этом году он хотел во что бы то ни стало занять первое место.

Ярик сутки напролёт проводил в спортивном зале. Даже когда тренеры уходили, он оставался, отрабатывая одни и те же комбинации до тех пор, пока руки не становились тяжёлыми, как свинец, а в голове не начинала звенеть тишина. Он не гнался за красотой движений — ему нужна была безупречная точность, та самая доля секунды, которая отделяет победу от поражения.

Отстояв достойно все спарринги, Ярослав вышел в полуфинал. Полуфинальный бой закончился, не успев начаться. Он продлился всего три секунды. Сразу после гонга Ярослав, собрав всю свою скорость и силу, со второго удара отправил соперника в нокаут. Зал взорвался криками, но для Ярика этот шум был далёким, будто доносился сквозь толщу воды. Он видел только неподвижное тело на настиле и рефери, поднимающего его руку. Это была победа, но она не принесла ему той радости, которую он ожидал. Впереди ждал финал — самый ответственный и важный бой.

Занять первое место и взять пояс победителя в этом году было делом чести для Ярика. Его отец, Александр, в свои двадцать два года впервые взял пояс. Ярослав не хотел отставать от отца. В память о нём он был настроен решительно, и эта решимость была не гордыней, а тихой клятвой, которую он давал каждый раз, выходя на ринг: он должен был доказать, что достоин той силы, которую отец в него вложил, того доверия, той веры, что жила в Сашиных глазах, когда он смотрел, как сын делает свои первые удары.

Финальный бой начался с запозданием из-за проблем с электричеством. Зал погрузился в тревожную полутьму, и даже воздух, казалось, стал гуще от напряжения. Трибуны шумели, переговаривались, кто-то нервно смеялся, пытаясь сбросить напряжение. Через полчаса электричество наконец починили, свет вспыхнул, ослепив всех на мгновение, и дали гонг к первому раунду.

Соперник попался стойкий, опытный, с глазами, в которых читалась такая же упрямая решимость. Он ловко уворачивался от ударов, будто чувствовал их ещё до того, как Ярослав успевал нанести. Каждый его блок был выверенным, каждый шаг — расчётливым. По окончании девяти раундов оба были изрядно вымотаны: их тела покрылись потом, дыхание стало хриплым, а руки — тяжёлыми, словно налитыми свинцом. Но в глазах обоих всё ещё горел тот самый огонь, который не гаснет даже тогда, когда силы на исходе.

Ярославу придавала сил мысль об отце. Он вспоминал, как Саша учил его не сдаваться, даже когда кажется, что больше нет ни капли энергии. «Победа живёт в том, кто не опускает рук, когда все остальные уже сдались», — говорил он. И в начале десятого раунда, собрав все оставшиеся силы, Ярослав сделал выпад и отправил соперника в чистый нокаут. Удар был точным, выверенным до миллиметра, и в тот момент, когда соперник коснулся настила, зал будто замер на долю секунды, а потом взорвался овациями.

Стоя на пьедестале с золотой медалью на груди и держа пояс победителя, Ярослав чувствовал, как тяжесть металла смешивается с тяжестью осознания. Он представлял, как отец стоит в толпе, широко улыбается, сжимает кулаки от гордости и кричит что-то, чего не слышно из-за шума трибун. Он вспоминал, как в юношеской сборной получал медали и Александр разделял его радость: они обнимались, и отец говорил: «Я знал, что ты сможешь. Ты у меня боец». И вот теперь, получив такую долгожданную награду, Ярослав впервые осознал, что не с кем разделить радость победы. Рядом не было того, кто понимал бы эту радость до самой глубины, кто знал бы, какой ценой она досталась.

Мария стояла в первом ряду, и на её лице боролись две эмоции: гордость, которая расправляла плечи и заставляла глаза сиять, и страх, который прятался в уголках губ, делая улыбку чуть дрожащей. Она подошла к нему, обняла, прижала к себе так крепко, будто хотела защитить даже сейчас, когда бой уже закончился.

— Я так горжусь тобой, сынок, — прошептала она, и в её голосе слышалась не только радость, но и тихая боль, которая никуда не ушла.

Ярослав обнял её в ответ, уткнулся лицом в её волосы, пахнущие домом и спокойствием, и на мгновение позволил себе забыть обо всём. Но когда он снова поднял глаза на зал, на эти сотни лиц, сливающихся в одно яркое пятно, он понял, что эта победа — не конец пути. Это был шаг, важный и тяжёлый, но впереди было ещё много дорог. И он был готов идти по ним, храня в сердце память об отце и стараясь беречь сердце матери, даже если это означало, что ему придётся каждый раз выбирать между двумя самыми важными людьми в своей жизни.

***

Придя домой, Ярослав обнаружил мать лежащей на полу без сознания. В тот миг весь мир сжался до размеров этой комнаты, до её неподвижной фигуры, до тишины, которая вдруг стала оглушительно громкой. Золотая медаль, тяжёлый пояс, овации, гордость — всё это рассыпалось в пыль, потеряло всякий смысл. Забыв обо всём, он бросился к ней, опустился на колени, прижал пальцы к шее, ловя слабый, неровный пульс, будто от этого биения зависела сама реальность. Потом, не помня себя, вызвал скорую помощь — его голос звучал чужим, срывался, путался в словах, но в нём была отчаянная просьба: «Скорее, пожалуйста, скорее!» Все его мысли заняли переживания о матери, и эта тревога была такой острой, что резала изнутри, не давая дышать.

Констатировав сердечный приступ, врачи аккуратно уложили Марию на носилки, подключили капельницу, и её увезли в больницу, а Ярослав остался стоять посреди комнаты, где ещё витал её запах — запах уюта, выпечки, спокойствия, который теперь казался хрупким, как тонкий лёд. Несколько часов он провёл в больничном коридоре в ожидании новостей. Время тянулось медленно, тягуче, словно вязкая смола, и каждая минута растягивалась в вечность. Меряя шагами узкий коридор, он не находил себе места: его движения были резкими, нервными, будто он пытался убежать от собственных мыслей, но они настигали его снова и снова. Свет ламп казался слишком ярким, стерильный запах больницы — чужим и враждебным, а тишина, изредка прерываемая шагами медсестёр и тихим писком аппаратуры, звенела в ушах.

Когда Ярослав уже начал терять терпение, из палаты реанимации вышел врач. Уставший, с тёмными кругами под глазами, но спокойный, как человек, привыкший держать себя в руках даже в самые напряжённые моменты.

— Ну что с ней? — кинулся к нему Ярик, вцепившись в его слова, как в спасательный круг, который мог удержать его над водой, не дать утонуть в страхе.

— У вашей матери был сердечный приступ. Нам удалось купировать его, но пару дней она побудет в реанимации под наблюдением, — голос врача звучал ровно, без лишних эмоций, но в этой сдержанности было что-то успокаивающее.

— Хорошо. Если вдруг понадобятся какие-нибудь лекарства, вы только скажите, я всё сделаю, — Ярослав говорил быстро, будто боялся, что если замолчит хоть на секунду, всё рухнет.

— Пока ничего не надо.

— Приступ… Это сильно опасно? — в его голосе слышалась не просто тревога, а первобытный страх сына, который не готов потерять единственного родного человека.

— Всё самое страшное уже позади. Назначим лечение, будем контролировать, и всё будет в порядке, — врач положил руку ему на плечо, и это простое прикосновение вдруг оказалось тяжелее любого удара на ринге.

— Я могу её увидеть? — с надеждой спросил Ярик, и в этом вопросе была вся его уязвимость, вся его потребность убедиться, что она жива, что дышит, что улыбается хоть чуть-чуть.

— Сегодня нет, а вот завтра, может быть, — не стал делать прогнозов врач, и в его осторожных словах чувствовалась не жестокость, а бережность человека, который знает цену надеждам и не хочет давать пустых обещаний.

Расстроенный, опустошённый, Ярослав отправился домой. Ночь накрыла город плотным покрывалом, и в квартире было непривычно тихо — эта тишина давила на виски, звенела в ушах, не давала ни минуты покоя. Переживая за мать, он почти не спал: ворочался, смотрел в потолок, считал трещины на штукатурке, пытался думать о чём-то хорошем, но мысли снова и снова возвращались к тому, как она лежала на полу, такая беспомощная и хрупкая. Победа и медаль отошли на второй план, стали чем-то далёким, почти нереальным. Он готов был отдать всё — все свои награды, все будущие титулы, любую славу — лишь бы с мамой было всё в порядке.

Кое-как дождавшись утра, когда первые лучи солнца только начали пробиваться сквозь шторы, Ярослав рванул в больницу. Он шёл по коридорам, почти не замечая ничего вокруг, и сердце билось где-то в горле, мешая дышать. Мария уже пришла в себя — её лицо было бледным, почти прозрачным, но в глазах светилось то самое упрямство, которое он знал с детства, то желание не показывать слабость, не расстраивать сына. И Ярослава пустили к ней ненадолго.

— Ну как ты? — с нежностью спросил он и присел на край кровати, стараясь не задеть провода и трубки, которые теперь казались частью её новой, хрупкой реальности.

— Не переживай, просто стало немного нехорошо, — слабым голосом ответила Мария, и даже в этой слабости она пыталась его защитить, оградить от боли.

— Немного? Ты потеряла сознание, — взволнованно отозвался Ярослав, и в его голосе звучала не упрёка, а отчаянная потребность понять, как такое могло случиться, как жизнь могла так резко измениться за одну секунду.

— Всё обошлось. Меня скоро выпишут, и мы забудем этот инцидент, — она пыталась бодриться, натянуть на себя привычную маску сильной женщины, но её рука, лежащая поверх одеяла, дрожала, выдавая то, что она хотела скрыть.

— Так, всё, свидание окончено, — бодро сказал вошедший врач, и в его энергичном тоне чувствовалась не грубость, а необходимость сохранять дистанцию, чтобы не поддаться чужой боли. — У нас процедуры.

Они попрощались — коротко, торопливо, будто боялись, что если задержатся хоть на минуту, слова станут слишком тяжёлыми. Ярослав вышел из палаты, и дверь закрылась за ним с тихим, но окончательным щелчком, который прозвучал как граница между тем, что можно исправить, и тем, что придётся просто пережить.

Не зная, куда себя деть, как унять эту внутреннюю дрожь, Ярослав поехал в клуб. Знакомые стены, запах пота и кожи, гулкие удары по грушам, скрип канатов — всё это было привычным, надёжным, настоящим. Долгая интенсивная тренировка должна была на время выгнать дурные мысли из головы, заставить тело работать так, чтобы не осталось сил ни на страх, ни

на сомнения. Он бил по груше снова и снова, вкладывая в каждый удар свою тревогу, свою любовь, свою беспомощность, и с каждым ударом чувствовал, как напряжение немного отпускает, как мышцы берут на себя ту тяжесть, которую не могли удержать мысли. Пот заливал глаза, дыхание становилось тяжёлым, но именно в этой усталости было какое-то странное утешение: пока он двигается, пока бьёт, пока держится на ногах, он может верить, что всё будет хорошо. Что мама поправится. Что они снова будут вместе, и этот страх останется позади, как тяжёлый сон, который рассеивается с рассветом.

***

Через пару дней позвонил врач и попросил прийти. Голос Семёна Николаевича звучал сдержанно, без лишних интонаций, но в этой сдержанности было что-то, от чего у Ярослава внутри всё сжалось в тугой узел. Он быстро собрался, будто боялся, что если задержится хоть на минуту, время ускользнёт сквозь пальцы. Расплатившись с таксистом, он направился к трёхэтажному зданию больницы — серому, монументальному, с окнами, похожими на равнодушные глаза, наблюдающие за суетой города.

Поднявшись на второй этаж, Ярик пробежал мимо палаты матери. Он не остановился, не заглянул внутрь — боялся, что если увидит её сейчас, хрупкую, бледную, окружённую проводами и аппаратами, то потеряет ту холодную решимость, которая держала его на ногах. Вместо этого он направился прямо в кабинет врача, его шаги по коридору звучали гулко, как удары сердца, отсчитывающие секунды. Постучавшись, он приоткрыл дверь.

— Можно? — спросил Ярослав, и его голос прозвучал чуть хрипло, будто он долго молчал, копил слова, и теперь они выходили с трудом.

— Да, да, конечно, — отозвался Семён Николаевич, и в его тоне не было ни тепла, ни холода — только спокойная собранность человека, привыкшего сообщать тяжёлые новости.

Пройдя через кабинет, Ярослав присел на стул — жёсткий, неудобный, с облупившейся краской, будто специально созданный для того, чтобы человек не забывал, где находится.

— Вы просили заехать, — произнёс он, и в этой фразе слышалось не просто подтверждение, а отчаянное желание услышать что-то хорошее, хоть каплю надежды.

— Да. Пришли результаты последних анализов вашей матери, — начал врач, и каждое его слово падало, как камень в тёмную воду, вызывая круги, которые расходились по всему существу Ярослава. — У неё серьёзные проблемы с сердцем.

— Какие? — взволнованно переспросил парень, и его пальцы впились в подлокотники, будто эти деревянные планки могли удержать его от падения в пропасть.

— Большая сердечная недостаточность, тахикардия. Расшатанные нервы привели к сильному износу сердечной мышцы. Если не провести срочную операцию, она может умереть, — перечислял сухие факты доктор, и в его голосе не было жестокости — только горькая необходимость говорить правду, какой бы страшной она ни была.

— Так делайте! Я подпишу все бумаги! — нервы Ярослава были на пределе, и в этом крике не было пафоса — только первобытное желание защитить самого дорогого человека, любой ценой.

— Эта операция стоит больших денег, — впервые Семён Николаевич поднял глаза на собеседника, и в его взгляде читалась не жадность, а усталое понимание того, как часто жизнь упирается в цифры, которые невозможно игнорировать.

— Сколько? — выдохнул Ярослав, и воздух в кабинете вдруг стал густым, тяжёлым, его было трудно вдыхать.

Семён Николаевич написал сумму на листке и протянул его Ярославу. Взглянув на цифры, он опешил — они казались не просто большими, а космическими, нереальными, будто кто-то пошутил, нарисовав эти нули на бумаге. На мгновение мир сузился до этого листка, до

этих чёрных знаков, которые вдруг стали важнее всех медалей, всех побед, всей его прошлой жизни.

— Я могу заплатить треть уже сегодня, — рассуждал вслух парень, его мысли метались, как загнанные звери, ища выход, любую лазейку.

— Такую операцию не делают в рассрочку. Деньги надо внести полностью, и только тогда её можно будет провести, — развёл руками Семён Николаевич, и этот жест был не проявлением безразличия, а признанием бессилия системы перед лицом чужой беды.

— Сколько у меня есть времени? — спросил Ярик, и в его голосе звучала не паника, а холодная, стальная решимость человека, который готов бороться до конца.

— Счёт идёт на дни, — спокойно и сухо ответил врач, и эти слова прозвучали как приговор, от которого невозможно спрятаться.

— Я всё понял. В ближайшие дни деньги будут. Начинайте хотя бы подготовку к операции, — твёрдо ответил он, и в этой твёрдости слышался голос отца — тот самый, который учил его не сдаваться, даже когда кажется, что выхода нет.

Выскочив из больницы, Ярослав остановился на крыльце, тяжело опираясь на перила. Холодный ветер хлестнул по лицу, но он почти не чувствовал его. Он потирал голову, судорожно обдумывая, где быстро найти недостающую сумму. Мысли неслись вихрем: продать машину, взять кредит, обратиться к спонсорам, к старым знакомым, к тем, кто когда-то аплодировал ему на ринге. Он перебирал варианты, цепляясь за каждую идею, как за соломинку.

Вокруг кипела обычная жизнь: проносились машины, спешили по своим делам люди, кто-то смеялся, кто-то спорил по телефону, и весь этот привычный шум вдруг казался чужим, далёким, будто он стоял за толстым стеклом, отделяющим его от остального мира. Для всех этих людей день был просто днём, а для него — гонкой со временем, где на кону стояла жизнь матери.

Ярослав сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, и эта боль была нужна ему — она напоминала, что он жив, что должен действовать, что не имеет права опускать руки. Он достал телефон, открыл список контактов и начал прокручивать имена, одно за другим, ища того, кто сможет помочь, кто услышит его, кто не скажет «извини, сейчас не могу». И в этот момент он вдруг понял, что готов на всё — на любые унижения, на любые сделки, на любую работу, лишь бы эти цифры перестали быть приговором. Лишь бы у мамы был шанс.

***

Обзвонив всех знакомых, Ярослав не увидел на своём счёте ни долгожданного пополнения, ни даже скромной помощи — денег особо не прибавилось. Он разговаривал с тренером, но тот лишь разводил руками: в ближайшее время турниров не предвиделось, а значит, и призовых, и спонсорских выплат ждать не приходилось. Недоставало больше половины суммы — той самой, что отделяла жизнь матери от смертельной черты. Он метался, как загнанный зверь, проверяя варианты, хватаясь за любую соломинку, и с каждым отказом, с каждым вежливым «сейчас не могу» внутри что-то сжималось всё сильнее, пока не осталось почти никакой надежды.

И вот, когда он уже почти смирился с тем, что выхода нет, раздался звонок от приятеля. Договорившись о встрече, Ярик сидел в кафе, теребя от волнения салфетку, будто пытаясь выжать из неё хоть каплю уверенности. Ткань расползалась под пальцами, становясь тонкой, почти прозрачной, как его терпение.

— Привет! — поздоровался подошедший приятель, Вадим.

— Привет! Рассказывай! — с нетерпением отозвался Ярик, подавшись вперёд, словно хотел сократить расстояние между ними и быстрее добраться до сути.

— Есть место, где можно быстро заработать денег, — заговорил Вадим, присаживаясь за столик. Его голос звучал буднично, но в этой обыденности таилась искра, за которую Ярослав тут же ухватился. — Есть подпольный клуб по боям без правил. Деньги платят сразу после боя и довольно приличные, ну, за победу, естественно.

— Сколько? — выдохнул Ярослав, и в этом вопросе была вся его отчаянная надежда.

— Это надо обсуждать индивидуально. Там делают ставки. Так что заработок зависит целиком и полностью от коэффициента, — Вадим протянул листок бумаги. — Вот адрес и телефон хозяина клуба.

— Спасибо! — взяв листок, сказал Ярослав, и пальцы его дрогнули, сжимая бумажку так крепко, что она захрустела.

Попрощавшись с приятелем, Ярик вышел из кафе и принялся звонить по указанному номеру. Город вокруг жил своей обычной жизнью: прохожие спешили по делам, витрины магазинов переливались огнями, машины гудели на перекрёстках, а для него весь этот привычный шум стал фоном, бессмысленным и далёким. Договорившись о встрече, он направился в клуб, и с каждым шагом его решимость смешивалась с тяжёлым предчувствием, которое он старался не замечать.

Клуб находился в подвале невзрачного здания — серого, безликого, будто специально созданного для того, чтобы не привлекать лишнего внимания. У входа стояли два раскаченных парня, их фигуры казались монолитными, а взгляды — холодными и оценивающими. Ярослава пропустили без лишних вопросов — видимо, звонок хозяина клуба уже сделал своё дело.

Спустившись вниз, он оказался в помещении внушительных размеров, почти пустом, но от этого ещё более зловещем. По центру был обустроен ринг — его канаты казались натянутыми струнами, готовыми лопнуть от напряжения. Вокруг него стояли столики для особых гостей, а позади — обычные трибуны для остальных зрителей, менее богатых и влиятельных. Приглушённый свет добавлял антураж: жёлтые лампы отбрасывали неровные тени, и казалось, что в углах прячется сама опасность.

Бритый налысо мужчина лет пятидесяти, внушительных размеров, махнул рукой, приглашая к себе за столик. На ринге боксировали два парня — их удары звучали глухо, как удары в пустой барабан, и каждый из них нёс в себе не просто силу, а отчаяние, готовность идти до конца. За соседним столом сидело пара мужчин, похожих на охранников: их позы были расслабленными, но в этой расслабленности чувствовалась готовность к мгновенному действию. Вот то немногое количество людей, которые находились на этот момент в зале, и от их немногочисленности становилось ещё страшнее — будто всё, что здесь происходило, было слишком грязным, слишком опасным, чтобы выносить это на всеобщее обозрение.

Присев за стол к тучному мужчине, Ярослав первым начал разговор.

— Меня зовут Ярослав! — он протянул руку, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, без дрожи. — Это я вам звонил.

— Анатолий Сергеевич, — пожав руку Ярика, заговорил мужчина. Его ладонь была тяжёлой, жёсткой, как будто он привык не пожимать руки, а проверять их на прочность. — Чем обязан?

— Мне сказали, что у вас я могу неплохо подзаработать, — перешёл сразу к делу, не теряя времени. Слова звучали резко, как удары, и Ярослав сам удивлялся собственной прямоте.

— Ну, заработать-то можно! Смотря сколько ты хочешь вложить? — усмехнулся владелец клуба, и в его улыбке не было ни тепла, ни насмешки — только холодный расчёт.

— Нисколько, — растерянно ответил Ярослав, и эта растерянность на мгновение прорвалась сквозь его броню.

— Не понял? — Анатолий облокотился локтями на стол и придвинулся ближе, и от этого движения воздух между ними будто сгустился.

— Я хотел выйти на ринг, — пояснил Ярик, и теперь в его голосе звучала не растерянность, а решимость, выкованная из отчаяния.

— Ааа… — расслабился собеседник, откинувшись на спинку стула. — Хорошо боксируешь?

— Я чемпион мира в этом году, — ответил он, как есть, без хвастовства, просто констатируя факт, который вдруг стал его единственным козырем.

— Даже так! — Анатолий Сергеевич просиял улыбкой, и в ней было что-то хищное, предвкушающее. Он стал пристально изучать собеседника, будто оценивал не человека, а товар, который мог принести прибыль.

— Ну так что? Вы выпустите меня на ринг? — нервы Ярослава были натянуты до предела, и он боялся, что если пауза продлится ещё хоть секунду, он сорвётся.

— А почему бы и нет. Когда ты хочешь выйти? — всё же согласился Анатолий, и в этой лёгкости согласия было что-то пугающее.

— Сегодня. Мне срочно нужны деньги, — начал успокаиваться Ярослав, получив положительный ответ, но это спокойствие было обманчивым, как затишье перед бурей.

— Хорошо, сегодня в десять приходи, — Анатолий уже начал подниматься, но вдруг остановил Ярослава жестом. — Ты же понимаешь, что здесь другие правила. Точнее сказать, нет правил, и соперник может оказаться из другой весовой категории.

— Я понимаю, — спокойно ответил он, хотя внутри всё кричало от тревоги, и ушёл, чувствуя на себе тяжёлый взгляд владельца клуба, который, казалось, уже считал прибыль.

На улице воздух был холодным и резким, как пощёчина, и Ярослав глубоко вдохнул, пытаясь привести мысли в порядок. Он знал, на что идёт, понимал, что этот путь опасен, что правила здесь — это просто слово, которое ничего не значит. Но счёт шёл на дни, а иногда, чтобы спасти того, кого любишь, приходится ступать на тёмную дорогу, где свет дают только отчаяние и надежда — две самые хрупкие вещи на свете.

ГЛАВА 2

К десяти вечера Ярослав вернулся. Зал был забит битком — гул голосов сливался в сплошной низкий рокот, а воздух, густой от запаха пота и дешёвого одеколона, едва шевелился от редких порывов сквозняка. Контингент был разный: в первых рядах теснились азартные завсегдатаи с горящими глазами, чуть поодаль — суровые мужчины в тёмных куртках, чьи лица хранили непроницаемое спокойствие, а в тени углов прятались те, кто пришёл не за зрелищем, а за расчётом.

Выйдя на ринг, он увидел то, чего так опасался. Соперник был из тяжёлого веса — громадная фигура, похожая на скалу, обтёсанную ветрами и ударами: широкие плечи, массивная шея, кулаки, словно отлитые из чугуна. А Ярослав из лёгкого — стройный, жилистый, с быстрыми, почти нервными движениями. Бой будет не из лёгких, отметил про себя Ярик, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел.

Был дан гонг к первому раунду. Звук ударил по нервам, резкий и беспощадный, как щелчок затвора. Оба были настроены на победу, но у соперника было преимущество — не только в весе, но и в холодной уверенности, застывшей в его тяжёлом взгляде. Ярослав не намерен был сдаваться. Он уворачивался как мог, изгибаясь, словно тень, скользя по канвасу, не забывая при этом наносить удары — быстрые, хлесткие, будто вспышки молний в темноте. Пот заливал глаза, стекал по вискам, капал на пол, оставляя тёмные пятна на матах.

По истечении семи раундов Ярик изрядно вымотался. Его дыхание стало рваным, каждый вдох отдавался болью в груди, а руки, ещё недавно лёгкие и стремительные, теперь казались налитыми свинцом. В восьмом раунде он взял инициативу в свои руки и перешёл в наступление. Проведя серию ударов, Ярослав с трудом, но всё же удалось отправить соперника в нокаут. Тот рухнул на пол с глухим, тяжёлым звуком, похожим на падение каменной глыбы, и зал взорвался криками — одни ликовали, другие мрачно кивали, подсчитывая убытки.

После боя Анатолий Сергеевич зашёл в раздевалку. В тесном помещении пахло йодом и старой кожей, а тусклая лампочка отбрасывала резкие тени на стены. Хозяин клуба поздравил с победой и отдал деньги. Коэффициент был хороший, и сумма получилась немалая, но всё равно не хватало — этой суммы едва хватило бы на первый взнос, а завтра могло быть уже поздно.

— Скажите, я могу выйти на бой ещё раз? — осведомился Ярослав, подсчитывая полученные деньги. Пальцы его дрожали, а взгляд был прикован к купюрам, словно они могли вдруг умножиться сами собой.

— Конечно, можешь! Приходи завтра, — отозвался Анатолий, устало потирая виски.

— А сегодня? — не отступал парень, голос его звучал твёрже, чем он сам себя чувствовал.

— Сегодня? — удивился мужчина, в его глазах мелькнуло что-то похожее на тревогу. — Ты себя видел? Ты хороший боец, но если выйдешь сейчас, тебя положат в первом же раунде. Ты хорошо заработал, неужели тебе не хватает? — хозяин клуба не понимал столь безрассудного поступка, и в его голосе слышалась не просто досада, а искреннее беспокойство.

— Не хватает, и завтра может быть поздно, — тихо, но твёрдо ответил Ярослав. В его словах не было пафоса, только голая, обжигающая правда.

— Смотри, дело, конечно, твоё. Хочешь, мы поставим тебя сегодня. Но, как по мне, ты просто зря подпортишь себе здоровье, — пожал плечами Анатолий, и в этом жесте читалась усталость человека, который слишком часто видел, как молодые парни ломаются не от ударов, а от отчаяния.

— Я понимаю весь риск! Если не справлюсь, претензий не будет, — Ярослав готов был драться хоть всю ночь, лишь бы завтра матери сделали операцию. Перед глазами вставал её бледный профиль, её слабые пальцы, сжимающие край одеяла, и он знал, что не имеет права отступить.

— Дать время отдохнуть?

— Нет, я готов на следующий бой, — отрезал Ярослав, голос его прозвучал жёстко, почти грубо, но в глубине глаз плескалась боль.

— Ну, хорошо. Как только закончится бой, можешь выходить, твой следующий, — спокойно отозвался Анатолий и удалился, оставив после себя запах табака и тяжёлое молчание.

Ярослав стал готовиться к следующему бою. Он понимал, что сильно рискует, но время играло против него, тикая где-то внутри, как безжалостный механизм. Ярик надеялся, что в

случае проигрыша денег ему всё же хватит, хотя в глубине души знал, что эта надежда хрупка, как тонкий лёд над глубокой водой.

На этот раз противник был одной весовой категории, что и Ярослав — стройный, быстрый, с хищной ухмылкой и глазами, холодными, как сталь. Только теперь это играло против. Парень в лёгком весе гораздо быстрее передвигается по рингу, а Ярик был измотан. Он был не в состоянии молниеносно увертываться — его реакции замедлились, словно время вокруг него стало густым, вязким, как патока.

Первые два раунда Ярослав отстоял, держась на одной только воле, на упрямом отказе падать. Пот заливал ему глаза, превращая ринг в размытое пятно света и теней, но он продолжал двигаться, наносить удары, уходить от атак, хотя каждый шаг давался всё тяжелее. Начался третий раунд. Ярик нанёс противнику два мощных удара — они прозвучали, как сухие хлопки, и на мгновение показалось, что соперник пошатнётся. Но тот устоял на ногах, лишь на секунду прищурившись, а затем нанёс ответный удар в голову — резкий, точный, выверенный до миллиметра.

Это был чистый нокаут. Мир перед глазами Ярослава рассыпался на осколки, вспыхнул ослепительной белой вспышкой и погас. Ярослав потерял сознание, и ринг, зрители, гул голосов — всё растворилось в тишине, глубокой и бесконечной, как ночное небо над пустым городом.

***

Когда он открыл глаза, вокруг всё было серым — тусклым, безжизненным, словно кто-то стёр с мира все краски, оставив лишь пепельные оттенки. Судя по всему, Ярик был в больнице: стерильный запах антисептика щекотал ноздри, а тихий, монотонный писк приборов звучал как отголосок чужого, равнодушного мира. Рядом стояла медицинская сестра — в светло-серой форме, с такой же серой тенью усталости под глазами; даже её движения казались приглушёнными, будто она скользила сквозь вязкий воздух.

Он встал с кровати — резко, порывисто, будто хотел стряхнуть с себя эту серую пелену. Пружины матраса скрипнули, и этот звук прозвучал в тишине палаты почти вызывающе.

— Вам нельзя вставать! — забеспокоилась она, шагнув вперёд, и в её голосе смешались тревога и привычное раздражение человека, который слишком часто сталкивается с упрямством пациентов.

— Я в порядке, — спокойно ответил Ярослав, и собственный голос показался ему чужим — глухим, чуть хриплым, будто проржавевшим от молчания. Он направился к выходу, не глядя по сторонам, будто боялся, что если задержится хоть на миг, серая пустота снова втянет его в себя.

— Ещё не готова томография! Куда вы пошли? — щебетала медсестра, семеня рядом, её лёгкие шаги торопливо стучали по линолеуму. В её суетливости было что-то трогательное и одновременно досадное — она пыталась удержать его здесь, в этом безопасном, но безжизненном пространстве.

— Я хорошо себя чувствую, у меня дела, — всё так же спокойно ответил он, не замедляя шага. Его решимость была твёрдой, как закалённая сталь, и в то же время хрупкой, словно тонкая корка льда над глубокой водой.

Выйдя на улицу, солнце ударило в лицо — ярко, беспощадно, словно хотело выжечь из памяти все серые тона. Ярослав ощутил, как мир заиграл красками: алый бок проезжающей машины, изумрудная зелень деревьев, золотистые блики на стёклах домов… Но вместе с этим пришла и дикая головная боль — острая, пульсирующая, будто кто-то сжимал виски железными пальцами. Он зажмурился на мгновение, стиснул зубы, но не остановился.

Поймав такси, он доехал до подпольного клуба. Внутри царила привычная полутьма, разбавленная тусклым светом неоновых ламп, которые отбрасывали на стены причудливые тени.

Запах прокуренного воздуха, смешанный с запахом пота и дешёвого алкоголя, ударил в нос, возвращая его к реальности. Ярослав сел за столик — его движения были размеренными, будто он пытался обмануть собственное тело, убедить его, что всё в порядке.

Вскоре к нему подошёл Анатолий Сергеевич. В его улыбке читалось неподдельное удивление, смешанное с уважением.

— Не ожидал тебя так скоро увидеть, — улыбался Анатолий, и в его голосе слышалась не насмешка, а искреннее изумление перед человеческой стойкостью.

— Я за деньгами, — не стал расшаркиваться Ярослав. Его слова прозвучали сухо, без лишних эмоций, как констатация факта.

— Видя твоё состояние, в основном все ставили на твой проигрыш. Так что денег немного, — спокойно произнёс мужчина, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сочувствие, которое он тут же спрятал за привычной деловой маской.

Мужчина протянул конверт. Ярик мельком глянул в него — бумажные купюры лежали плотной стопкой, и их было меньше, чем он надеялся, но достаточно, чтобы сердце забилось чаще.

— Мне хватит. Спасибо вам за всё, — пожал он руку собеседника. В этом рукопожатии было больше, чем простая благодарность: в нём читалась тихая признательность за то, что его поняли, не стали читать нотаций и просто отдали то, что принадлежало ему по праву.

Он направился к выходу. Шаги давались тяжело — каждое движение отзывалось болью, но он не позволял себе замедлиться.

— Если что, приходи, будем рады! — крикнул вдогонку Анатолий, и его голос прозвучал неожиданно тепло, почти по-отечески.

Ярослав не стал оглядываться. Превозмогая боль, он шёл вперёд, чувствуя, как с каждым шагом внутри разгорается крохотный, но упрямый огонёк надежды. Он радовался, что набрал нужную сумму, и спешил в больницу, где его ждала не просто цель, а смысл всех этих мучительных усилий — шанс спасти самое дорогое, что у него было.

***

Ярослав нёсся по коридору больницы, как реактивный самолёт — стремительно, не замечая ничего вокруг, будто за ним гналась сама судьба. Белые стены сливались в сплошную полосу, а эхо его шагов металось между дверями палат, словно отчаянные крики. Залетев в кабинет врача без стука, он чуть не сорвал дверь с петель — она ударилась о стену с глухим, тяжёлым стуком, который на секунду перекрыл даже бешеный стук его сердца.

— Я нашёл деньги! Делайте операцию! — выкрикнул он и положил конверт на стол. Бумага дрожала в его пальцах, а в глазах горел такой яростный огонь надежды, что казалось, он способен растопить даже ледяную стену равнодушия.

— Присядьте, пожалуйста, — врач попытался его успокоить, но голос прозвучал тихо, почти безнадёжно, словно он заранее знал, что слова эти не помогут.

— Да я спокоен! Вы слышали, что я сейчас сказал? — всё же присел он, но не потому, что послушался, а потому, что ноги вдруг стали ватными, будто из них вынули все кости. Он вцепился пальцами в край стула, словно это был единственный якорь в стремительно рушащемся мире.

— Слышал, — опустив глаза в стол, сказал Семён Николаевич. Его пальцы медленно постукивали по столешнице — нервный, едва уловимый ритм, выдававший внутреннюю борьбу. — Ночью Мария умерла.

— Что? — Ярослав вскочил со стула, тот с грохотом упал на пол, прокатился по линолеуму и ударился о ножку шкафа. Звук отозвался в груди Ярика острой болью, будто это не стул упал, а рухнула последняя опора его мира.

— Сердце не выдержало, мы не смогли ничего сделать. Примите наши соболезнования, — он развёл руками, и в этом жесте было столько бессилия, что оно казалось почти осязаемым — тяжёлым, плотным, как влажный туман, который не даёт дышать.

Весь мир для Ярика рухнул. После смерти отца мать была единственным родным человеком, единственным островком тепла в холодном, равнодушном океане жизни. А теперь и её не стало. В груди образовалась такая огромная пустота, что казалось, она вот-вот затянет в себя всё вокруг — комнату, врача, даже само время.

Следующий день был тяжёлым и морально, и физически. Он обзвонил знакомых, разбирался со всеми документами, подписывал бумаги, отвечал на вопросы, но всё это делал словно во сне — движения были механическими, слова слетали с губ, будто их произносил кто-то другой. Ярослав стоял на кладбище в толпе многочисленных знакомых лиц, но все они казались ему размытыми силуэтами, призраками из чужой жизни. На душе было тяжело, а когда крышку гроба стали заколачивать, этот стук эхом разнёсся в голове. Каждый удар, будто рвал натянутые струны внутри него, оставляя после себя звенящую, невыносимую пустоту. Мир вокруг снова становился серым и безжизненным, краски выцветали, люди меркли, превращаясь в бледные тени. Внезапно пропал интерес к происходящему — всё стало одинаково бессмысленным.

Ярослав, не дожидаясь окончания процессии, развернулся и зашагал к выходу. Ветер трепал его волосы, холодный и колючий, но он не чувствовал холода. Все подумали, что ему слишком тяжело, и никто не стал его останавливать — в их взглядах читалось молчаливое понимание, смешанное с облегчением оттого, что не придётся искать слова, которые всё равно ничего не смогут исправить.

Неделю он ходил из дома в клуб, из клуба домой. Шаги были одинаковыми, маршруты — привычными, но сам он будто выпал из собственной жизни. Ярик был немногословен и даже безэмоционален — его голос звучал ровно, без интонаций, словно запись, прокрученная на минимальной громкости. Друзья старались не трогать его, считали, что он скорбит, и в их осторожных взглядах и неловких паузах чувствовалось желание помочь, но полное непонимание, как это сделать. И только через месяц они окончательно начали убеждаться, что с Ярославом действительно не всё в порядке — что скорбь здесь ни при чём, а внутри него что-то сломалось, и эта поломка была куда глубже, чем они могли себе представить.

Вадим решил поговорить с ним. Они сидели в полутёмном углу клуба, где запах табака смешивался с запахом старого дерева и горечи, которую невозможно было скрыть.

— Что с тобой происходит? Ты ведёшь себя странно, — начал Вадим, и в его голосе слышалась не просто тревога, а страх потерять друга, которого он знал всю жизнь.

— Со мной всё в порядке. Видимых повреждений нет, — глухо отозвался парень, глядя куда-то сквозь собеседника, будто видел не его, а что-то далёкое и бесконечно печальное.

— Вот именно об этом я и говорю. Какие повреждения? Ты разговариваешь как робот и ведёшь себя так же, — Вадим говорил взволнованно, его пальцы нервно теребили край стола, выдавая напряжение, которое он пытался скрыть за напускной уверенностью.

— Я нормально себя веду, — ответил ровно, без тени раздражения, но именно эта ровная бесстрастность пугала больше всего.

— Может, сходишь к психиатру, проконсультируешься? — не унимался Вадим, и теперь в его голосе звучала почти мольба.

— По поводу? — Ярослав чуть приподнял бровь, но в этом движении не было ни интереса, ни сарказма — только пустота.

— Давай просто сходим к врачу. Если всё нормально — я от тебя отстану, — голос был почти умоляющий, в нём слышалась усталость человека, который слишком долго пытался подобрать правильные слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.